

Владимир Короленко: еврейский заступник

Портрет Короленко работы Ильи Репина

Сто лет назад в Полтаве скончался выдающийся писатель Владимир Короленко. Александра Бруштейн так описывает его: «В этих глазах — правда, которую не затопчешь, не утопишь, не сгноишь в тюрьме. Правда, которая не согнется, не заржавеет, не сломается...».

Владимир Галактионович был в первых рядах той части русской интеллигенции, у которой антисемитизм вызывал отвращение. Всю свою жизнь поддерживал гонимых и обездоленных: будь то голодающие крестьяне или приговоренные к смертной казни, вотяки (удмурты), обвиняемые в ритуальном убийстве, и т.д.

В рассказе 1886 года «Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды» у Короленко впервые прозвучала еврейская тема, вероятно, как реакция на прокатившиеся по империи погромы. Писатель переносит нас во времена захваченной римлянами Иудеи. Когда евреи проявляли смирение, жестокость прокуратора Гессия Флора лишь возрастала. Тогда они восстали под руководством Менахема бен Иегуды. «Сила руки — зло, когда она поднимается для грабежа и обиды слабейшего; когда же она поднята для труда и защиты ближнего — она добро. Камень дробят камнем, сталь отражают сталью, а силу — силой...». Известно, что это была заочная полемика Короленко со Львом Толстым, его идеей непротивления злу насилием.

Предположительное изображение Гессия Флора

В сказке «Судный день» на основе известной легенды Короленко пишет, как в Йом-Кипур еврейский черт Хапун уносит из синагоги самого неприятного из местных евреев — шинкаря Янкеля. Люди на него жалуются: спаивает народ, разбавляет водку водой, проценты берет, жалеет только своих — евреев.

Сельский мельник завидует еврею-шинкарю, который богаче, успешнее занимается ростовщичеством и которому задолжал сам мельник: «Вот это самое только и есть плохое на свете. Проклятые жида мешают крещеному человеку собирать свой доход».

Янкель уговаривает черта пощадить его, мол, мельник еще хуже. Черт не верит, и шинкарь предлагает побиться о заклад: «Если моя правда, то вы через год меня отпустите и еще заплатите убытки». Хапун соглашается.

Многие в селе должны были Янкелю, но его жене с маленькими детьми «никто не отдал ни ломаного шеляга». Хотя вдова и просила, «хоть по полтине за рубль дайте, хоть по двадцати грошей, чтоб сиротам не подохнуть с голоду».

Новым владельцем корчмы стал мельник-славянин. А потом приобрел еще один шинок. От него горькими слезами еще больше плачут. И все ему «что-то мало, ходит сердитый да невеселый».

Прошел год. Черт приволок обратно Янкеля и провел «социологический опрос» — оказывается, мельник таки хуже еврея: «наших мужей и отцов споил всех дочиста», «у мельника в шиночке хороша горілка... ой, горілки две бутылки, и воды бутылка».

Весьма симпатичная сказка. И смысл глубок, и юмор хорош.

Как евреи украинцам помогли

В 1893 году Короленко побывал на Всемирной выставке в Чикаго в качестве корреспондента журнала «Русское богатство». По впечатлениям от поездки был написан рассказ «Без языка» об обустройстве в новой стране эмигрантов — евреев и украинцев.

Русский павильон на Всемирной выставке в Чикаго

Герои рассказа — украинские крестьяне из местечка Лозищи Волынской губернии Матвей и Иван и встреченная ими в дороге девушка Анна — приезжают в Америку в поисках счастья. Им повезло встретить доброго мистера Борка, еврея из Украины, покинувшего империю после погрома. Борк поселяет их в своем пансионе, а Анна даже живет в одной комнате с его дочерью Розой.

Крестьяне прибыли из антисемитской страны, отягощенные многочисленными комплексами и стереотипами, брат Анны даже участвовал в еврейском погроме. В новых условиях, в еврейском окружении, они стали по-другому смотреть на евреев. Так, «у Матвея защемило сердце при виде одинокой и грустной фигуры еврея» — пожилого Борка. Размышляя о шабате в Америке, где молодежь уже не столь ревностно придерживается религиозных устоев, Матвей сочувствует старшему поколению. И вспоминает: «Родное местечко встало в памяти, как живое. Вот засияла вечерняя звезда над потемневшим лесом, и городок стихает, даже перестали дымиться трубы в еврейских домах. Вот засветилась огнями синагога, зажглись желтые свечи в окнах лачуг, евреи степенно идут по домам, смолкает на улицах говор и топот шагов, а зато в каждое окно можно видеть, как хозяин дома благословляет стол, окруженный семьей...». А затем «долго еще ...старый еврей и молодой лозищанин, сидели вечером и говорили о том, как верят в Америке».

В свободном мире много недостатков, но евреев здесь не громят, они равноправны. Акклиматизируются, находят свое место в Америке и украинские крестьяне.

Дом № 13

Так называется очерк Короленко о знаменитом кишиневском погроме 1903 года. Писатель специально приехал в Кишинев, бродил по городу, общался с евреями и христианами. На примере одного дома, где убивали, — №13 в Азиатском переулке — он восстанавливает картину погрома.

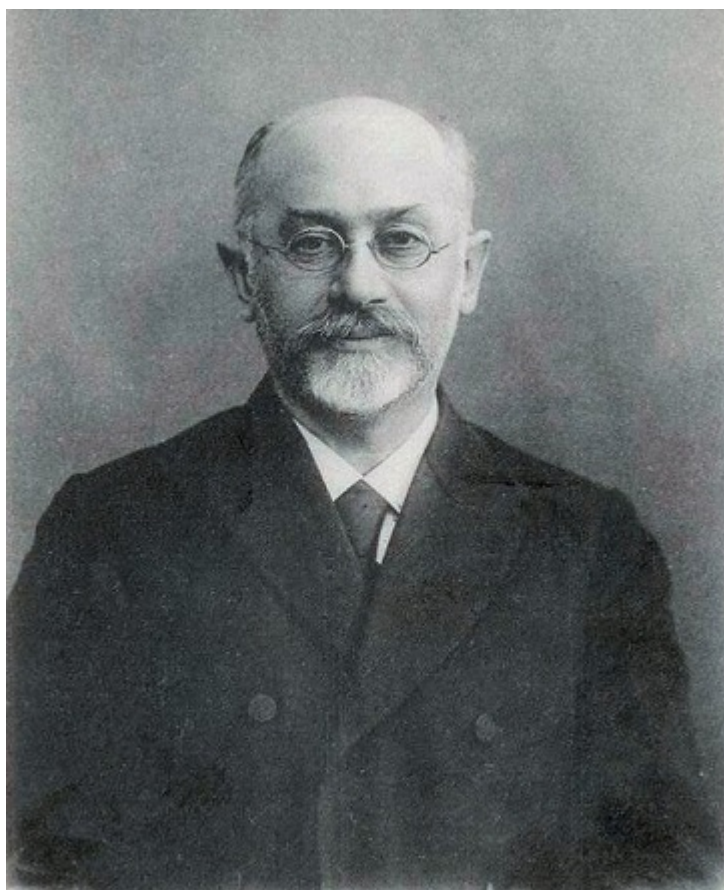
Жертвы Кишиневского погрома, 1903

Мирно и тихо жил этот скромный дом с обитавшими в нем мелкими лавочниками, продавцами, бухгалтером, стекольщиком, их женами и детьми. Пока не явилась толпа из 50-60 громил, в которой были и соседи. О защите нечего и думать: в доме лишь восемь мужчин. А городской сидел на тумбе, в нескольких шагах от трагедии.

После погрома весь двор был «усеян пухом, обломками мебели, осколками разбитых окон и посуды и обрывками одежды. ...Убивали толпой беззащитных людей, убивали долго, среди людного города, точно в темном лесу». Невозможно без содрогания читать этот текст. Короленко задается вечным вопросом: «Каким образом человек обыкновенный вдруг превращается в дикого зверя, в целую толпу диких зверей».

Даже в искореженном цензурой виде очерк вышел сначала на Западе, и только потом в России. При этом одна глава так и осталась неизданной.

Когда в 1905 году по югу и юго-западу империи прокатились еврейские погромы, в Полтаве, где жил Короленко, тоже готовилась резня. Трагедия не произошла благодаря Владимиру Галактионовичу. Он призывал в городской думе защитить безоружных людей, выступал, писал листовки-обращения: «Берегитесь верить темным и непроверенным слухам. Слухи распространяются злыми людьми со злой целью...».

Михаил Герценштейн

Григорий Иоллос

В 1906 году был убит черносотенцами ученый-экономист, депутат Государственной думы от партии кадетов Михаил Герценштейн. В следующем году убили Григория Иоллоса, журналиста, тоже депутата Думы. Короленко отреагировал: «Герценштейн и Иоллос, два еврея по происхождению, убиты один вслед за другим. Один успел заявить себя в борьбе русского парламента за землю для русского народа. Другой всю жизнь проводил идею русского гражданского освобождения. И имена этих двух евреев теперь навеки связаны с борьбой русского народа за землю, за волю».

В годы Первой мировой писатель протестовал против обвинений евреев из прифронтовой полосы в предательстве и возмущался депортациями.

Короленко и «дело Бейлиса»

1911 год. На окраине Киева найден труп 13-летнего мальчика. Кто виноват? Евреи виноваты. Нелепое обвинение поддерживается министром юстиции Щегловитовым, он давит на следствие, которое и находит козла отпущения — Менделя Бейлиса.

Возмущаясь тем, что «в народ опять кинута лживая сказка об употреблении евреями христианской крови», Короленко составил обращение, которое подписали почти 200 видных представителей интеллигенции.

Во время процесса Короленко серьезно болел, врачи запрещали ему выступать в суде. Тем не менее, он приехал в Киев и присутствовал на судебных заседаниях в качестве корреспондента нескольких газет. В письме известному филологу Батюшкову писатель рассказывал, что прибыл в Киев, поскольку «не мог бы себе во время этой подлости найти место в Полтаве». За одну из статей на него даже завели дело «за неуважение к суду».

Короленко на процессе Бейлиса. Рисунок В. Кадулина

Черносотенцы ждали обвинительного вердикта, чтобы начать большой погром, но присяжные заседатели оправдали Бейлиса. И большую роль в этом сыграл Короленко, заметно влиявший на общественное мнение.

В очерке 1915 года «Мнение мистера Джексона о еврейском вопросе» Короленко описывает свою встречу на борту плывущего в Америку парохода со «среднестатистическим», не отягощенным образованием американцем. Мистеру Джексону евреи явно не нравятся, он говорит о них в духе российской антисемитской печати. Тогда сопровождавший Короленко публицист Сергей Протопопов уверенно предполагает: «Итак, без сомнения, вы стоите против равноправия евреев? Вы желали бы закрыть для евреев границу? Живущих у вас ограничить в правах? Например, установить черту, дальше которой они не могли бы селиться?» Американец удивлен: «Я не люблю этот народ, но из этого не следует, что я требую ограничения прав». Короленко резюмирует: «Устами «простого американца» говорил в эту минуту опыт и мудрость великого народа. Любовь — одно, а справедливость — другое. Любовь, как благодать Божия, «веет иде же хочет», а справедливость обязательна, как воздух для дыхания».

Американская литография 1905 года, выпущенная после еврейских погромов в России

Исключительный авторитет

Во время Гражданской войны в Полтаве бесконечно менялась власть: Центральная Рада, немцы, гетман Скоропадский, петлюровцы, Деникин, большевики. Многие, в том числе и евреи, шли со своими бедами к Короленко, зная его всегдашнюю готовность помочь. И он пытался спасти арестованных, ограбленных, приговоренных к расстрелу. Писал в дневнике 1919 года, что «масса еврейская разных классов... стонет под давлением преследования, реквизиций и произвола». Несмотря на неоднократные угрозы, писатель был неустрашим, ходил без оружия и не прекращал спасать, кого мог спасти.

Еврейский поэт Моисей Тейф посвятил защите Короленко евреев Полтавы балладу на идише «Интеллигент», где есть такие строки:

Не сметь! —

Как будто гром с небес.

Безумные, куда вы?! —

Он бородой - как черный лес —

Встал поперек Полтавы...

С 1920 года в Полтаве «поселилась» советская власть. Короленко не симпатизировал большевистскому режиму с его «диктатурой пролетариата» и беспощадным «красным террором». В отличие от умников, рассуждавших о «еврейской власти», он видел, сколько евреев от нее пострадало. И в то же время отмечал в дневнике, что «среди большевиков много евреев и евреек. И черта их — крайняя бестактность и самоуверенность, которая кидается в глаза и раздражает».

Автор книги «Вблизи Короленко» — Любовь Гейштор — подчеркивает, что среди полтавских евреев писатель пользовался исключительным авторитетом. Ему писали письма, полтавская еврейская община в 1918 году назвала его «одним из лучших борцов за раскрепощение еврейского народа». Семью Короленко в голодные годы послереволюционные годы подкармливал весь город. Помогала и еврейская община.

Дом Короленко в Полтаве, ныне — музей писателя

Как литератор, стремившийся к объективности, Короленко должен был отображать то, что видел и чувствовал. Однако, учитывая уровень юдофобии в России, он избегал в творчестве отрицательных еврейских персонажей. Редактируемый им журнал «Русское богатство» не публиковал некоторые статьи с критикой в адрес евреев, даже если их авторами были евреи.

Общественная жизнь часто отвлекала Короленко от литературы: «Вижу, что мог бы сделать много больше, если бы не разбрасывался между чистой беллетристикой и практическими предприятиями вроде мултанского дела или помощи голодающим. Какое-нибудь дело Бейлиса совершенно вышибало меня из колеи». По-другому он не мог.

Литературный критик Аркадий Горнфельд писал: «Лучшее его произведение — он сам, его жизнь, его существо. Лучшее — не потому, что моральное, привлекательное, поучительное, но потому, что самое художественное».

Жажда справедливости

В 1901 году в сборнике «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» Короленко опубликовал мудрый рассказ «Огоньки». Он вспоминал, как темным осенним вечером плыл на лодке по угрюмой сибирской реке. Вдруг близко мелькнул огонек. Казалось, еще «два-три удара веслом — и путь кончен», но оказалось, что до берега еще далеко. «Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, опять приходится налегать на весла... Но все-таки впереди — огни!». Писатель вселял уверенность в своих сограждан-евреев, что лучшее будущее непременно придет.

Памятники Короленко в Житомире и Полтаве

В 1998 году Еврейский совет Украины присвоил Владимиру Короленко почетное звание Праведника Украины за особую роль в защите прав и достоинства еврейского населения. В Украине и России есть улицы и библиотеки его имени, установлены мемориальные доски, музеи прозаика существуют в Полтаве, Житомире, Краснодарском крае. Помнят Короленко и в Израиле. Его имя носит одна из улиц Тель-Авива, оно высечено на монументе выдающимся гуманистам-нееврейцам в мемориальном парке в Бней-Аише. В Иерусалиме проходил благотворительный вечер в поддержку живущих в Полтаве нуждающихся родственников Короленко.

«Среди русских культурных людей, — писал Горький, — я не встречал человека с такой неутомимой жаждой правды-справедливости».

А так говорит о Короленко писатель Дмитрий Быков: «У русской литературы всегда были проблемы с образцовым героем. Между тем в нашей словесности есть действительно хороший человек. Образец душевного равновесия, трезвости, ясности. Когда нам понадобится опора в личном выборе, совет умного и смелого друга, пример жизни честной и в высшей степени талантливой, — мы обратимся к нему».

«Высокопарных слов не надо опасаться», — пел Булат Окуджава. Короленко можно смело называть одним из тех, кто был совестью российского общества. «Я считаю то, что претерпевают евреи в России... позором для своего отечества, и для меня это вопрос не еврейский, а русский», — писал Владимир Галактионович. Он был правозащитником как в годы царизма, так и при советской власти, прошел тюрьму и ссылку, но всегда спешил туда, где угрожали правам человека, где правила бал ксенофобия. И говорил, что просто исполняет свой долг...

Александр Кумбарг, «Еврейская панорама»